

FRI-116-1-LLH(S)-07

IMPERIAL ETHNO-CULTURAL POLITICS IN THE CONTEXT OF EUROPEAN INTEGRATION IN 19TH CENTURY

Tatjana Stokovskaja

Assoc. Prof. PhD

Department of Sociology and the Humanities, State University "Dubna", Russia

e-mail: t.e.stokovskaya@gmail.com

Abstract: The report is based on the XIX century sources. It is devoted to the relationship of ethnic communities of Russian, Czechs and Poles in the Austro-Hungarian and Russian empires. The main attention of the author is focused on the analysis of public policy and inter-ethnic contacts, on an assessment of ethno-cultural communities of their legal and social status. The integration of Polish territories, included in the Russian Empire, is analyzed in the context of the development of the European space in the XIX century. The author accepts as example the concepts of autonomy and assimilation

Key words: policy, public opinion, inter-ethnic communication, identity

ИМПЕРСКАЯ ЭТНО-КУЛЬТУРНАЯ ПОЛИТИКА В КОНТЕКСТЕ ЕВРОИНТЕГРАЦИИ В XIX В.

Резюме: В докладе на источниках XIX в. рассматриваются взаимоотношения национальных сообществ русских, чехов и поляков внутри Австро-Венгерской и Российской империй. Основное внимание сфокусировано на анализе государственной политики и межэтнических взаимодействий, на оценке этно-культурными сообществами собственного правового и общественного положения. Интеграция польских территорий, вошедших в Российскую Империю, автор анализирует в контексте развития европейского пространства в XIX в. на примере концепций автономии и русификации.

Ключови думи: государственная политика, межэтнические взаимодействия, национальная идентификация, общественное мнение

ВЪВЕДЕНИЕ

В Европе XIX в. существовали две многонациональные Империи: Австрийская (с 1848 г. Австро-Венгерская) и Российская. На географической карте указанного периода была еще Османская империя, территория которой начиналась от р. Дунай и простиралась до Средиземного моря. Но в политическом и цивилизационном сознании того времени (как и в современном) она не идентифицировалась как европейская держава, и подвластные ей территории не включались в Европу.

Статья построена на источниках XIX в. Использована научная переписка и путевые заметки российских славистов О.М.Бодянского, М.П.Погодина, И.И.Срезневского, чешского ученого П.И.Шафарика, а также «галицкого русского», закарпатского историка и публициста

Д.И.Зубрицкого. Основное внимание автора сфокусировано на анализе государственной политики и межэтнических взаимоотношений внутри Австро-Венгерской и Российской империй, на оценке национальными группами собственного правового и общественного положения.. Автор рассматривает взаимоотношения социальных групп русских, чехов и сербов и поляков с имперскими администрациями, а также на примере методов интеграции польских территорий, вошедших в Российскую Империю после разделов Польши, анализирует концепции автономии и русификации в контексте развития европейского пространства в XIX в.

ИЗЛОЖЕНИЕ

В многонациональной Австрийской Империи народы отличались языками, обычаями, религией, правовыми условиями, проходили различный исторический путь. Залогом сохранения их национальной идентификации были язык, религия и историческая память.

Национальную политику Австрийской администрации можно назвать централизаторской, направленной на унификацию и этно-культурное нивелирование. Её иллюстрирует пример русского и русскоязычного населения Галиции. Своеобразие региона в описываемый период состояло в двух аспектах. С одной стороны, Галиция входила в состав Австрийской Империи с немецким государственным языком, и административно-правовая, территориальная и религиозная системы определялись Австрийской монархией. С другой стороны, Галиция – отошедшая к Австрии часть разделенной и утратившей свою государственность Польши. Этническое большинство населения там составляли поляки, преобладающим языком межнационального общения был польский, а религиозная принадлежность большинства – католицизм и в некоторых районах, униатство. Русское православное население составляло меньшинство.

Система образования в регионе была германоцентрична. Учебные заведения Львова насчитывали 4 высших: 1. Университет, где было четыре факультета (богословский, юридический, медико-хирургический, философский) 2. Академия языков и искусств, где изучали итальянский и французский, 3. Теологическое и философское училище для католических монахов, 4. Реальная и Коммерческая Академия, Семь средних: две гимназии (Академическая и Доминиканская), пять немецких народных школ (из них – 2 женские) и пять начальных, из которых четыре были приходские немецкие школы.

Для униатов и православных во Львове была лишь одна русская школа, где один учитель преподавал чтение, письмо, церковное пение и обряды. Она существовала на правах частной школы на деньги епархии и прихожан, желавших учить своих детей читать и писать по-русски. Во Львове с 1835 по 1861 г. было три газеты: польская, немецкая и галицкая, выходившая на немецком языке, не издавалось ни одной русской газеты. Действовала лишь одна печатавшая кириллицей типография. После революции 1848 г. до 1858 гг. во Львове издавались на русском языке литературный журнал и ежегодный календарь, и «дозволено было преподавать некоторые предметы на русском языке» [4, с.584], а в университете Львова ввели русский язык, литературу.

Препятствовала развитию национальной интеллигенции нехватка книг и учителей. В то время как для национального самосознания «самый важнейший предмет есть отечественная история» [4, с.585], немецкие учебники истории, по мнению славян, искажали события или давали предвзятые, односторонние оценки, были «полны лжи» [4, с.586]. В заметках современников не раз упоминается об отказах австрийской цензуры в предоставлении книг: «Вам известно, что мне отказано читать русские законы...» [4, с.568], за употребление русского языка «подозревают в симпатиях Московщине...» [4, с.587].

Круг тем для творчества литераторов и исследований историков был ограничен. Например, одной из нежелательных для изучения проблем была Брестская Уния 1596 г. «всякому здешнему русскому не дозволено заниматься этим делом... У нас ни истории, ни материалов сего рода нельзя издавать» [4, с.551], отмечал Д.И.Зубрицкий и подчеркивал:

«Даже и опасно у нас для молодых людей и их будущего произведения в духовный чин или какую-либо должность заниматься русскою литературою» [4, с.552].

Существовали затруднения в пересылке книг и писем, которые проверялись Австрийской почтой и цензурой. Помимо вскрытия писем и ограничений в пересылке корреспонденции, взимались высокие штрафы за нарушение правил переписки. Чешский ученый П.И.Шафарик просит друзей учитывать обстоятельства и соблюдать все государственные требования в этих вопросах: «Прошу Вас, посылая книги, не класть с книгами в посылку запечатанных писем, потому что это запрещено и за это штраф. Открытое письмо вложено быть может, но только к тому, кому посылается посылка, ничего больше. В последней посылке г. Ганке из Вены было Ваше запечатанное письмо ко мне. А так как посылки перед вручением вскрываются, то я должен был уплатить штраф. Вы хорошо знаете, что письма наши касаются только литературы, мы могли бы их и по почте посылать открытыми, если бы на почте не требовалось прикладывать печать» [8, письмо 80].

В австрийской империи национальная интеллигенция диаспор различалась политической активностью. Представители русскоязычной среды были противниками экстремизма в любых формах. Они считали, что деятельность по сохранению национальной самобытности в мультикультурном окружении следует инициировать и развивать самим представителям местного сообщества, отводя особую роль в этом деле образованию и публицистике. Чешские интеллигенты Австрийской империи крайне робки в обсуждении политических новостей, считают невозможным и неуместным смешивать науку и политическую активность.

П.И. Шафарик противопоставляет поведение чехов и сербов: «В то время как мы всячески стараемся как-нибудь успокоить гидру, эти неразумные люди без всякой нужды подливают масла в огонь». [2, с.16] Он жалуется на грубость нравов, излишний темперамент, неуместную политическую активность сербского общества, на неразборчивость в средствах ведения полемики и дискуссий, доходящие до противостояния.

Национальная политика Российской империи в европейском регионе наглядно иллюстрируется так называемым «польским вопросом». Рассмотрим две ее концепции, последовательно сменившиеся в первой половине XIXв.

Правовое положение польских земель в России после первого раздела определялось «Конституционной хартией» от 15 ноября 1815 г. Для своего времени это документ был настолько либерален, что до 1906 г. внутри России не переводился на русский язык и никогда не публиковался. Нужно отметить, что составлена Хартия была на французском языке. Автономия, полученная Польшей, предусматривала собственную систему гражданского управления, армию, денежную систему и бюджет, свободу печати, сохранение католицизма и униатства в областях их распространения. Все государственное, военное и гражданское делопроизводство, как и обучение, велись на польском языке. Была объявлена свобода печати.

Предоставление такой широкой автономии было встречено российским обществом негативно, при этом удивительное единодушие проявили и либеральные и консервативные круги. Польша, воспринимавшаяся как исторический конкурент России, недавний союзник Наполеона, считалась просвещенным российским дворянством незаслуженно облагодетельствованной. Стремление Александра I сохранить элементы польской государственности оценивалось большинством россиян как не отвечающее стратегическим интересам России, «возбудило в русском обществе зависть и раздражение против поляков» [9 с.471] бывших врагов, а теперь, ненадежных и вероломных подданных. С 1818 по 1840 г. существовало расхождение между формальным статусом Королевства Польского и его восприятием русскими, как завоеванных земель. Повторим, что это восприятие объединяло сторонников и противников конституционных реформ в самой России. Мы находим подтверждения в записках М.Н.Карамзина («Мнение русского гражданина»), М.И.Кутузова («О необходимости уничтожения отдельных прав в губерниях, от Польши возвращенных») и др.

Отношение польского населения и общественной элиты к русскому присутствию было негативным. Хотя русская колония в 1815-1830 гг. была немногочисленна (в 1828 г. в Варшаве проживало 538 российских офицеров при населении Варшавы 136554 чел., а общее количество войск 5400 при 8000 польских военных), сам факт ее присутствия был политическим свидетельством зависимости Королевства Польского от России. Западные наблюдатели отмечали, что в регионе вошли в противостояние два начала российское государственное и польское национальное.

Политика сближения Александра I включала несколько уровней: поощрение смешанных браков, объединенные польско-русские военные училища, русско-польские масонские ложи, разделение финансовых и монетных систем. И если в среде русских офицеров брак с поляками считался равным и желательным, то в польской среде такие союзы расценивались как мезальянсы. Русские военные и чиновники воспринимались как завоеватели, а их содержание как тяжкое бремя. Польский дворянин Немцевич свидетельствует: «Любую данную нам свободу, любое предотвращение воровства русские воспринимают как личную обиду, отстранение москалей от надзора, потери дохода от таможи, паспортов, складов и т.д. возбуждают злость и гнев» [9, с.504]. В польском обществе, единственным россиянином, воспринимавшимся как просвещенный европеец, а не «москаль» был сам Александр I.

Сами же представители России в Польше, в отличие русских внутренних губерний, не чувствовали себя завоевателями. Из их воспоминаний создается ощущение, что они были довольны отношениями с местными жителями и не замечали никакого недружелюбия. В 1828 г. Ф.Булгарин пишет донесение в Петербург: «Нигде русские не живут так весело, так скоро не дружатся и не женятся, как в Польше, а это потому, что ненависть к России существует в одном воображении, есть следствие политических правил, а не сердечных побуждений» [9, с.505].

Восстание 1830-1831гг. изменило концепцию управления Польшей и повлияло на отношение российского общества. Конституционная хартия была отменена, новый документ от 14 февраля 1832 г. «О новом порядке управления и образования Царства Польского» ликвидировал сейм и армию, но культурная автономия и язык были сохранены. В России восстание возбудило антипольские настроения, проявившиеся как в художественной литературе (А.С.Пушкин «Клеветникам России», «Бородинская годовщина»), так и декабристами (И.Д.Якушкин, А.А.Бестужев). В противовес этим настроениям выступил в 1839г. г. М.П.Погодин. Основываясь на советах своих европейских корреспондентов и русских путешественников, а также опыте собственных поездок по славянским землям и Европе он составил для министра просвещения С.С.Уварова рекомендации для нормализации взаимоотношений с поляками. Он пишет: «Поляки – самое живое, впечатлительное племя, и не оскорбляя их самолюбия, еще более лаская оное, можно делать с ними что угодно. Самые действенные меры примирить их с нами (ибо они еще ненавидят нас) есть покровительство языку, литературе, истории (я говорю о Царстве Польском)» [6, с.29].

Погодин на тот момент считал, что необходимо преподавать польский язык наравне с русским, а его запрещение приведет к обратному эффекту. Он приводит пример Австрии: «Чего достигли они, уничтожая систематически в течение веков славянские наречия? Увеличили их силу, содействовали их развитию» [6, с.29]. Действовать российскому правительству в Польше нужно очень осмотрительно, т.к. политика России отражается на всем славянском мире и его отношении к России: «Немцы, указывая славянам на Польшу, говорят им: лучше ли полякам у русских, чем вам у нас?» [6, с.34]. Справедливость этого наблюдения подтверждает мнение П.И.Шафарика, который выражал сочувствие полякам по поводу подавления польского восстания 1830 г. и резко критиковал действия российских властей: «Каким образом растоптав это благороднейшее и поистине рыцарское славянское племя, можно положить основание будущему единству славянских народов? В падении Польши мы должны оплакивать падение всего славянства» [2 с.23-24].

К середине века Российская политика в польских землях приобрела вектор на унификацию и постепенный отказ от автономии. В 1841 г. в Польше введена российская монетная система, в 1846г. – транспортная, 1851 г. – почта.

Очень повлияли на национальную политику империй революции в Европе 1848 г. Пражское сообщество ученых всячески отстранялось от политики, из опасения репрессий со стороны австрийских властей. «Самые замечательнейшие и ревностнейшие из этих патриотов-писателей, как Шафарик, Палацкий, Юнгман и пр., всегда действуют с необыкновенным благоразумием, осторожностью»[1, с.77], - отмечал российский публицист В.А.Панов.

В письмах Шафарика находим всего одно упоминание о революции в Австрии 1848 г.: «У нас в Праге теперь великое брожение умов: время для науки неудобное. Кровь до сих пор не пролита, и порядок и общественное спокойствие не были нарушены, но всё от малого до старого вооружено по самые уши...» [9, письмо 31]

Ситуация в Галиции описана Зубрицким более красочно: «Какая-то зловредная шаль завладела умами жителей всех провинций: все волнуются, требуют дерзко какой-то народности, автономии, сеймов, исключительного употребления своего наречия в присутственных местах и школах, собираются на сходки, шумят, толкуют, хулят немцев, порицают правительство» [4 с.619]. Особенно ярко он пишет о поляках: «Как бы волшебным жезлом тронутые, в мгновение переделались в польское, кажется уже прежде заготовленное на этот случай платье, надели разного вида и рода шапки, сабли и мечи, собираются и шумят, восставляют за Днепром границы будущей Польши, злословят Россию, служат по костелам торжественные панихиды и поминки бунтовщикам против России (1794 и 1831 г.)» [4, с.620]

Русские Российской Империи в 1848 г. выражали сочувствие и поддержку русским Галиции. С пафосом восклицает Погодин в одной из своих статей по славянскому вопросу: «Низкий поклон, горячий привет, выражение глубокого почтения посылаем мы вам из Москвы и Киева, Казани и Архангельска, Вильны и Астрахани, Чернигова и Владимира, Камчатки и Ташкента, Тифлиса и Одессы, наши милые несчастные братья и повторяем вслед за вами: мы все одно целое, нравственное целое – крови, языка, веры» [7 С.35]. О Польше в составе России он имеет другое мнение: «Польша представляет явление совершенно несходное. Мы противники полякам не потому, что они поляки, не потому, что они славяне, а потому, что они хотят быть нашими господами» [7 С.39]. Погодин с сожалением констатирует, что общее мнение европейцев о положении польских территорий в составе России было негативным, и под его влиянием оказалась даже нейтральная чешская интеллигенция, а в особенности молодежь.

После Крымской войны и заключения Парижского мира в 1856 г. Погодин считает, что именно политика Российской администрации в Польше может стать ключом к нормализации европейского климата и изменить отношение европейцев к России. Выйти из международной изоляции, примириться со славянами Европы, Англией и Францией, он предлагает, предоставив польским территориям самоуправление внутри Российской Империи: «Пусть управляется Польша сама собою, как ей угодно, соответственно с ее историей, религией, народным характером, настоящими обстоятельствами». [7 С.5]. Определить территорию самоуправления он предлагает по языковому принципу: «где говорят по-польски – там Польша, где говорят по-русски – там Россия» [7 с.57]. Он мечтает о Великом восточном союзе, куда войдут славяне Австрии, Турции, присоединившись к российской Польше. Решение польского вопроса в России должно стать примером для Европы и инструментом в европейской политике, как для сближения славян запада с Россией, так и для повышения авторитета России в сознании европейцев.

В гуманитарной области предложения состояли в следующем:

- для чехов, словаков, австрийских сербов и хорватов поддержка их научных обществ, школ и литературных изданий;

-облегчение славянам (причем и южным, и западным) получение русских книг

- изучение славянских языков и культур в России и обучение западных и южных в Российских университетах [5, с. 15-16]

- изменение концепции образования для болгар, приезжающих обучаться в Россию из Османской империи.

Очередное польское восстание 1861 года кардинально изменило его взгляды, и он превратился в сторонника русификации. О системе русификации маркиза Велепольского, осуществляемой с 1863 г. в губерниях Привислинского края, как теперь стали называть бывшую Польшу, Погодин пишет: «Я долго думал, что поляки могут отказаться от мыслей о своих старых завоеваниях в России. Нет, я теперь удостоверился, что не только революционеры, не только эмигранты, не только завзятые поляки, но даже самые смиренные, любезные, добрые не могут отстать от этой мысли: это выше их натуры. Ну так я теперь осуждаю свою старую мечту, и говорю, что на ней строить ничего нельзя, что из западных русских губерний должны быть выжиты поляки, во что бы то ни стало, выкурены, высланы, выпровожены по казенной надобности, с деньгами, с заемными на нас письмами, с ксендзами, со всем скарбом и трауром, со всем движимым имуществом, а недвижимое – земля наша кровная, русская, - и Польше из нее ни пяди.» [7 с.159].

Таким образом, концепция Погодина трансформировалась. Первоначально, он выступал за отделение Польши от России, потом за автономию в составе Империи, и наконец, пришел к убеждению, что «новая Польша с освобожденными крестьянами и городами должна начать новую жизнь, новую историю в соединении с Россией» [6 с. 5].

28 марта 1867 г. вышел высочайший Указ о русификации польских территорий, в котором говорилось: «Поставив общею целью предпринятых нами преобразований в гражданском устройстве и управлении Царства Польского, полное слияние сей части государства нашего с прочими частями оногo» [3, с.80]. Этот указ получил поддержку.

Между попыткой использовать либеральную национальную политику для интеграции в Европу и сохранением внутреннего единства, государственная административная система выбрала второе. Ставка на сохранение социального мира, хотя бы внутри политической элиты, за счет противостояния общему цивилизационному антиподу, оказалась оправданной. Новая национальная политика в польских землях, наконец, совпала с настроениями российского общества.

Размышляя о судьбах России в контексте сближения с Европой, Зубрицкий с большим опасением относится к интеграции. Его настораживает быстрое развитие железнодорожного сообщения, а главное, свободное проникновение европейцев и европейских товаров в Россию. Мыслитель считает, что открывать свои территории и рынки нужно взвешенно, после длительных размышлений, и главное, защитив отечественное производство мерами экономического протекционизма и соответствующим развитием конкуренции с западными товарами. Он приводит в пример Австрию, где Галиция, по его мнению, экономически проиграла от строительства железной дороги: «Жиды и другие торгаши покупают масло, живность, сало и прочее и тащат в Дембицу, а оттуда по железной дороге в Вену для прокормления немцев, которые уже стали бы питаться кониной, они принуждены были бы кормиться и псиной, и кошками, и крысами, если бы не венгерская и галицкая железная дорога, но теперь радуются. И что же они дают нам в обмен на тучное поживление – тряпье из хлопчатой бумаги, ленточки, булавки, пахучее мыльце, помаду на усы, на плешивые головы, шарлатанские порошки и всякого рода дрянь и безделицу... и Россия должна быть осмотрительна в заведении железных дорог.» [4, с 605]. Критикует он Австрию и за неравноценную и неравноправную торговлю с Россией: «Мы, Австрия, Галиция, высылаем украдкой (контрабандой –Т.С.) ежегодно в Россию огромное количество щегольски сшитого мужского и женского платья из самых подлых материй, и множество (хлопчато)бумажных и других изделий, а получаем хорошие рубли.»[4, с 605]. В тоже время он не является противником модернизации. Напротив, он считает, что «прославлять прошедшее, значит, быть недовольным настоящим и желать минувшего»[4, с.587]. Осмотрительность Зубрицкий видит в том, что прежде чем начинать активную торговлю и пускать в страну иностранные

товары, необходимо «снабдить западные полосы Империи (здесь уже пишет о России – Т.С.) хорошими фабриками, а только тогда, когда будет излишек их, будет и время подумать о пути вывоза за границу». [4 с.617]

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В целом же, будущее видится теперь, как государственной администрации, так и общественности в соперничестве за Евразийское господство, за которое будут конкурировать Россия и Британия: «В Иране и Афганистане должно решиться, кому суждено обладать миром: России или же Альбиону» [4 с.618]. Приобрели актуальность рассуждения о том, что держава, которая достигнет успехов в освоении Средней Азии и Ближнего Востока, станет сильнейшей и ведущей в мире. Сегодня рассуждения о том, что влияние в Средней Азии и Ближнем Востоке ключ к успеху в международной политике, и лидерству в мире приобрели новую актуальность.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] Досталь М.Ю.. «Шафарик и русские славянофилы в 40-50 гг. XIX в.
- [2] П.И.Шафарик. К 200-летию со дня рождения, под ред. Л.Н.Смирнова. М.1995, с.77
- [3] Лавров П.А.Шафарик. Описание жизни и деятельности. М.1897, с.23-24
- [4] Национальная политика в императорской России. Цивилизованные окраины Москва, «Старый сад» 1997 составитель и редактор Ю.И.Семенов, 415 с.
- [5] Письма О.М.Бодянского к М.П.Погодину из славянских земель 1835-1861. М.1879.
- [6] Погодин М.П. Историко-политические письма и заметки. Москва. 1873.
- [7] Погодин М.П. Польский вопрос. Собрание рассуждений, записок и замечаний 1831-1867. М.тип. газеты «Русский».1867, 241с.
- [8] Погодин М.П. «Статьи политические и польский вопрос (1856-1867). М. 1876. Спб.1878 в тип. Безобразова
- [9] Письма П.И.Шафарика к О.М.Бодянскому (1838-1857), подготовлены к изданию
- [10] П.А.Лавровым и М.Н.Сперанским. М.1895, типография Московского университета.
- [11] Польша и Россия в первой трети XIX в.: из истории автономного королевства Польского, 1815-1830, М. Индрик, 2010.

За контакты:

Строковская Татьяна Евгеньевна, кандидат исторических наук, доцент, Международный университет «Дубна», кафедра социологии и гуманитарных наук. Г.Дубна. Россия, t.e.strokovskaya@gmail.com